

A person in a dark hoodie is swinging on a swing set in a park. The background shows tall buildings and a cloudy sky. The image has a motion blur effect, suggesting the person is swinging.

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ ПРОВОДА

ВЛАДИМИР
ЗУЕВ

Владимир Зуев

Вертикальные провода

«Издательские решения»

Зуев В.

Вертикальные провода / В. Зуев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907021-0

В книгу вошли избранные стихотворения екатеринбургского поэта и драматурга Владимира Зуева, написанные в период с 1996 по 2016 год. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-907021-0

© Зуев В.

© Издательские решения

Содержание

ДОМ. ДЕРЕВО. ЧЕЛОВЕК	6
НА УЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вертикальные провода

Владимир Зуев

Дизайнер обложки Владимир Зуев

Редактор Ирина Максимова

Иллюстратор Иван Зуев

© Владимир Зуев, 2019

© Владимир Зуев, дизайн обложки, 2019

© Иван Зуев, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4490-7021-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОМ. ДЕРЕВО. ЧЕЛОВЕК

Только ветер и пыль
По проспектам по головам
Только пыль только ветер
На тысячи верст вокруг
Я сегодня спросил
Незнакомых нерусских лам
На каком же мы свете
И кем будет порван круг
Только небо и пыль
Понемножечку по чуть-чуть
Только пыль только небо
Насколько хватает глаз
Я сегодня любил
И любовью кололо грудь
Это русская небыль
Мол нету достойней нас
Только пепел и пыль
По поникшим по головам
Только пыль только пепел
Чего нам желать еще
Я сегодня кружил
Оперившись на два крыла
Только небо заметил
Но птицам оно не в счет

Сбивали простыни, сбивали кулаки —
одни с любимыми, другие в драках.
Мы в путеводных знаках и не-знаках
запутывались, были не близки
с собой самими. Сам себе с усам —
мертвец без имени, беглец из мрака.
Не по нему ли воет в ночь собака,
закинувшая морду к небесам
заиндевелым? Звезды с кулаки,
под ними простыни нетронутого снега.
Собью их планом своего побега —
я все же выбьюсь в передовики.
Собаке выть, дивиться небесам,
мне или нам ждать не дожидаться знаков.
В любви и в драке мир не одинаков —
я это только что почувствовал сам.

Заведи юлу
Пусть она кружит
На пустом полу
Лужи да ножи
Во дому пустом
Черная вдова
Старым помелом
Тянет из угла
Паутины лен
Писем пустоту
За окошком клен
На своем посту
Тень его пластом
Из угла во тьму
Я в дому каком
Вот ведь не пойму
И юла вот-вот
В лужу или нож
Мир наоборот
На меня похож
На полу пустом
На пустом полу
Лишь тоска кругом
Заводи юлу

Вырезает ночь
трафарет окна.
Воем не помочь
уходящим на
небо, на покой,

на последний круг —
помаши рукой
в уходящий звук.
Маршевых шагов
пустотой не множь,
у тебя врагов —
пуля или нож.
Больше боли не
принесёт песок...
На моём окне
времени кусок,
вырванный из «бы»,
«либо» и «нибудь».
Остужает лбы
бытовая ртуть...
Воем не помочь
уходящим на
небо или в ночь,
в трафарет окна...

Кривились рожи
потухших окон,
а мы, без кожи,
дожди ловили
в свои ладони,
и город-кокон
во тьме сжимался,
сгущался или
бескожих пару
вживлял друг в друга.
Подобно шару,
в пределах круга
Земля летела
сквозь космос, вечность.
Нет, мера тела —
не бесконечность
в земных пределах,
где окон рожи
во тьме кривые,
где мы похожи
на светотени.
Где город-кокон
живых вжимает
в квадраты окон...

Освободи меня от ощущения вины.
За то, что жив и болен безнадегой.

За то, что я иду своей дорогой,
придерживаясь четной стороны.
Освободи меня от притяжения окна,
в котором мир, в котором очень пусто.
Стекло, мой силуэт, стена и люстра
и недоискупленная вина.
Освободи меня от пустоши ночной,
когда не сплю, когда себя сжираю
и складываю лед, подобно Каю,
когда крадусь нечетной стороной.
Освободи меня, прошу, освободи.
Я здесь. Смотри: я весь как на ладони.
Мне снятся белые стреноженные кони,
туман и бесконечность впереди.

Вой, но выкладывай слово «вечность», Кай.
Это твой смысл и спасение – привыкай
к слову и к состоянию глыбы льда.
Вечность, малыш, не кончится никогда.
Кай, нет ничего надежнее пустоты. Ты
лишь на четверть прежний, успел остыть.
Сердце ещё не успело обледенеть...
Сердце живое – тогда ты живой на треть.
Мой, но приёмный, красивый и дерзкий сын,
неуязвимость возможна, когда ты совсем один.
Нет ни любви, ни жалости... есть печаль —
вечность, в которой нам никого не жаль.
Кай, принимай как данность холодный лёд.
Видимый мир замерзнет, и боль пройдёт.
Герда тебя забыла – и ты забудь.
Чувствуешь, как твоя холодеет грудь?
Вот оно – состояние глыбы льда.
Вечность, малыш, не кончится никогда...

Сны оставляют тем кто остался
В выметенной квартире
И тишина и ни сальсы ни вальса
Пол и стены четыре
И потолок растворяется словно
Пена у ног белесых
И нереальные жалятся осы
Нехотя зло бескровно
Мальчик беззубый швыряет щебень
Метится в неба корыто
Я оставляю июльский гребень
И дверь оставляю открытой

И видеть сны – не умирать,
уснуть, храпеть на всю округу
зимой, а летом ближе к югу
податься и давить кровать
ночами, днем играть шута,
девицам, солнцем утомленным,
читать стихи, и слушать волны,
и знать, что мира красота —
сейчас и здесь, не там-потом...
Потом – иное предвещает...
Земля устало нас качает,
как мама в детстве перед сном...

микро- и макрокосм
ос бесконечный рой
мыслей и все всерьёз
остановись постой
маятник бытия
в мёртвом дворе качель
ты очерстевший я
выбравший ту же цель
цепко себя держи
время туда-сюда
маятники-ножи
всюду и навсегда
микро- и макрокосм
остановись постой
больше нельзя всерьёз
тут в пустоте пустой

лобные доли для...
и... отчего болят...
мне бы до февраля...
мне бы до февраля...
с красной начать строки,
чтобы слова как ртуть...
в звездные потолки
взмыть самолетом «ТУ»...
и, совершив петлю
мертвую, стать собой...
видимо, к февралю
кончится этот бой...
и, как всегда, с нуля
и, как всегда, болят,
лобные доли для...
мне бы до февраля...

Ложечкой чай мешать,
крепкий курить табак,
не застилать кровать,
чтобы не спать, а так —
сиднем всю ночь сидеть,
слов разгребая стог,
да заплетать их в сеть,
да приходиться в восторг,
«быть» заменив на «жить»,
жизни вращая ось,
знать, что не рвется нить
смысла и всё сбылось
так, как придумал сам
и написал потом,
где-то к пяти часам
или часу в шестом...

Говорили – недоговорили
нежно, нараспев, напропалую.
По ночам так сладко слух балуют
«может быть», «наверно», «или-или»...
Все вернется, если возвратимо, —
новым годом или счастьем новым,
нежным, нереальным, невесомым...
Жаль, что чаще мимо, мимо, мимо...

Мысли в копоти,
пальцы в щепоти.
Хмель язычества
в ноги тычется.
Дух стреноженный,
мною низложенный,
изобижен,
спит, раны лижет.

птица прокричит
волос упадет
накренится быт
покривится рот
колесо потерь
потеряет ось
завтра и теперь
бесконечно врозь
ты увязла там

я обжился тут
небеса не лгут
что не стоит нам

Северный ветер срывает лишнее
с этой субботы Страстной недели.
Ангелы Имя на небе вышили,
ангелы Имя земле пропели.
Северный ветер меня, калечного,
в спину толкает: ступай смелее! —
в прошлом тебе больше делать нечего.
Солнце как будущее алеет
за горизонтом, где лес и горы
к небу вершины свои прижали.
Мир мой сегодня был ветром вспорот
и распахнулся в иные дали,
мне неизвестные до заката
этой субботы Страстной недели...
Понтий Пилат слушал речь легата.
Ангелы Имя Христова пели...

Черная дорога через лес,
мысли черные у черных провожатых...
И черным-черно крыло небес,
скорбью небеса к земле прижаты.
Жерло шахты дышит тяжело,
жадно дышит, жаждет жертвы, жути...
Неба наклонённое крыло —
вечный мост на вечном перепутье...
Жерло примет восемь из восьми.
Восемь – бесконечность к горизонту...
Господи, прими, прими, прими...
Смерть идет по северному фронту...
Для убийц все будет в первый раз...
Лизавете и Варваре тоже в первый...
Скорбный путь – всего лишь пара фраз...
И убийц убившиеся нервы...
Черная дорога через лес...
Скорбью небеса к земле прижаты...
И черным-черно крыло небес...
Мысли черные у черных провожатых...

В коробке из-под чудес
пылится мой детский страх —
уснуть навсегда и бес-
телесным шагнуть впотьмах

на воздух и обомлеть...
И долго взахлеб дышать...
И в неба худую сеть
уткнуться, как в детстве в мать...
Затихнуть... и все с нуля...
И жить как на чистовик...
И телу как пух земля...
И жизни нелепой миг
как вспышка... Ну вот и всё...
И детский нелепый страх...
...Земля-колыбель несет
меня, как дите, впотьмах...

Тихо-то как темной ноченькой...
Матушка спит рядом с доченькой.
Звезды сияют млечево...
Будто им делать нечего.
Вечное хитросплетение...
Звезды. Под ними сопение...
Пусть мирно спят каждой ноченькой
матушки, звезды и доченьки...

Мир – в твоей ладошке...
На ладони – крошки
птичкам-невеличкам,
зайчикам, лисичкам...
Мир – в чулане пыльном,
там, где паутина...
В царстве тридесютом
пахнет прелой мятой...
Тихо и спокойно,
прекратились войны
на родной планете...
Мы за мир в ответе,
тот, что на ладошке
спит, обнявши крошки...

Такая маленькая смерть
Невыносимое молчанье
Мы поневоле англичане
Мы остывающая твердь
Темно и тихо пустота
Котенком просится на руки
Пространство приглушает звуки
И можно сосчитать до ста
Но это не приблизит сон

Замерзших рук не отогреет
И снег белее и белее
Им свет холодный отражен
Декабрьская белеет твердь
И мы над ней совсем без кожи
Не дай нам больше милый Боже
Такую маленькую смерть

Слов больше нет и не надо – есть голос,
солнце, в нем твой силуэт, светотени...
И постижение сути явлений,
нам непонятных... Небесная полость
белым очерчена вокруг голубого.
И чистота бесконечно простая,
что никогда-никогда не растает
в этих пределах шара земного...
Есть только нежность, ее акварели
в нас проступают, рождаются звуком...
Эта земная, прекрасная мука —
быть с кем-то рядом, без смысла, без цели.
«Быть» – это слово теперь ключевое
для постижения сути явлений.
Я научился читать светотени,
я слышу в голосе вечно живое...

Выберу дом, дерево, человека.
Буду любить или просто буду
рядом последнюю треть от века,
если мне сверху одобряют ссуду.
Выберу, если возможность эту
мне оставляет процент по ссуде.
Кану из этого лета в Лету.
Так выбираю – и будь что будет.
Выберу, если найду в дороге
что-то родное, своё до дрожи.
Вижу: у осени на пороге
август свои отпускает вожжи.
Выберу, если одобряют ссуду,
год или два или треть от века.
Буду любим или просто буду
домом и деревом для человека.

НА УЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ

И страны той нет как нет...
И Свердловска нет в помине...
Лишь Свердлов бесстыдно стынет,
по зиме легко одет...
В центре города на «Е»
он стоит, не понимая,
что за жизнь вокруг такая:
«Коммунизм, паскуды, где?
Черт с ним! Где рэсэфэсэр?
Где мандаты и декреты?
Где Ильич? Володя, где ты?
Я торчу тут, словно хер...
Рядом Оперный, УрГУ,
мимо люди и трамваи,
голубей проклятых стаи
гадят... Я один в снегу —
в центре города, и мне
одинок, зябко, страшно...
Недостроенная башня —
реквием по той стране,
что в помине нет как нет...»
И Свердловска нет в помине...
Лишь Свердлов бесстыдно стынет
много-много-много лет...

Афишам старым до сих пор верны
заборы серые на улице Советской,
и в парке Пионер, застывший нэцкэ,
как прежде, патриот своей страны...
Моей страны, сменившей лад и строй.
Мне повезло: я – выходец оттуда,
советский россиянин – чудо-юдо,
хлебнувший перестройку, и, застой
едва застав, я верен сам себе,
я вновь иду к афишам и заборам,
как в детство... Пионер глядит с укором:
«Товарищ, не сгибайтесь при ходьбе...»

лаяла собака, небо багровело...
след от самолета, как следок от мела
школьного, неровный, и доска кривая...
папа сильный-сильный, мама молодая...
я глаза прищурил, вижу сквозь ресницы:
фонари мигают, как огни столицы...
как звезда на башне главной, самой-самой,
я туда поеду скоро с папой, мамой...
там, на самой красной площади планеты,
небу расскажу я все свои секреты...
попрошу у неба, чтоб не умирали
никогда родные... чтоб войны не знали
люди на планете... и себе – щеночка...
вот и ночь настала, и фонарь как точка —
там, над домом, детством, где писали мелом...
лаяла собака, небо багровело...

через газету Правда
мама утюжит брюки
папе на митинг надо
папе синеть со скуки
папе идти в колонне
вечного Первомай
папа парторг в законе
папу признала стая
мама побудет дома
мама сготовит ужин
мама глава домкома
глаз за детьми и мужем
мама царица мира
метров квадратных наших
наша полна квартира
как говорится чаша
я подрасту однажды

буду большим как папа
я будут помнить каждый
день его цвет и запах
мама и папа рядом
вечно со мною будут
рвется газета Правда
значит есть место чуду

мама не
помыла раму
папа не
пришел с работы
дочка не
дала Тиграну
сыну не
вломили готы
мама не
с соседом в связи
папа не
пропил аванец
дочка не
с Ахмедом лазит
сыну не
нассали в ранец
так и жили они как все
так и жили они хорошо
и у каждого свой насест
и у каждого свой вершок
мама да
ушла к соседу
папа да
зашьется видно
дочка да
родит Давлету
сыну да
всю жизнь обидно
так и жили они как мы
так и жили они путем
и у каждого был свой смысл
и у каждого в горле ком

Помню чай со слонем,
помню пиво в пакетах,
сигареты «Ракета»,
синяков за углом...
Помню день Первомай
и Октябрь кумачовый,

брагу «хер Горбачеву»
и призыв «Наливай!».
Помню слово «Афган»,
страшный шепот: «Груз 200...»
Во дворе пели песни
про Кабул и Баграм...
Помню «Ассу», «Иглу»,
Цой – герой, «Группа крови»...
Мир рождается новый
в каждом пыльном углу...
Я в кафе за углом
(с дорогой сигаретой,
с пивом не из пакета),
с памятью за столом.

Май нэйтв таун изент ладж,
энд изент смол, и все такое.
Там школа, корефанов трое,
там «Магна», «Royal» и «Orange»...
Там детство, ивы и река...
В хрущевке песни под гитару,
и высь светла и высока,
и все сдавали стеклотару —
и были счастливы, бикоз.
Там «начать» было и «углубить»,
там был заветный кубик-рубик
и миллионы алых роз...
Там был волшебный «Wind of Change»,
влюбленность первая-вторая
и девственность девичьих плеч,
там Стелла, Оля, Зоя, Рая...
Там чудо – видеосалон,
и Цой живой, и Хой в почете,
и мы не в погребальной роте
с друзьями, время – не Харон
тогда и там... Теперь и тут
иные мы, май таун нэйтв —
форевер! Ай эм вэри эктив,
я жив доселе, вэри гуд!

Я листал чужой фотоальбом:
лица – незнакомые, красивые.
Девушка в небесно-голубом
платъице на лавочке под ивами.
Мальчик с букварем, цветов букет,
и в глазах застыло что-то вечное.
Словно знает: будущего нет —

мальчик этот, чем-то свыше меченный.
Будто знает, что грядет война,
и ему там быть солдатом-воином,
и что мать останется одна,
и ему лежать неуспокоенным
на чужой, неласковой земле —
всюду горы, гордые, красивые...
Мальчику всего лишь двадцать лет...
Девушка на лавочке под ивами
в платице небесно-голубом...
Боль и злость застыли жутким комом,
будто бы я вспомнил о знакомом.
Я листал чужой фотоальбом...

Ты обознался, ветеран.
Я не был там, где ты оставил руки.
Я пил с шалавами от скуки,
когда ты шел через Афган,
из ночи в ночь, из года в год
не на войне – тут, на гражданке...
Я на гражданке-нимфоманке
лежал, когда ты шел вперед...
Когда ты шел на караван,
на тот, что первый и последний,
мне бабы говорили «Бедный...»,
когда я корчился от ран
сердечных... В водке и вранье
я обретал мужскую доблесть.
Молчал мой стыд, молчала совесть,
я их салатом оливье
съедал и пил не за Афган,
я пил с шалавами от скуки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.